

Пока судебный заместитель Сунь Жу перепуганным голосом всю понукал слуг поскорее брызгать чистой водой на дорожные камни у входа, Лэ Уя уже вальяжно восседал в парадном крыле управы, с величайшим радушием представляя богача Чэня императорским ревизорам:

— Господа императорские посланники, генерал Пэй, извольте познакомиться: перед вами почтенный местный уроженец и знаменитый муж Чэнь Юаньвэй. Тот самый угольный рудник «Сяофу», о коем вы изволили упоминать, как раз и является делом, сотворенным исключительно его собственными руками.

Седьмой принц отпил глоток горячего чая и искоса провел по нему глазами: «Этот барин, часом, не удумал ли вновь самым бесстыдным образом прикрыться нашим авторитетом ради своих нужд?»

Поскольку повадки и манеры уездного начальника до мельчайших подробностей походили на черты того, покойного человека, любое его движение в глазах Седьмого принца неизменно казалось умышленным и таящим в себе скрытый умысел.

И надо же было такому случиться: Лэ Уя именно так и рассуждал!

Сохраняя на лице выражение абсолютной праведности, честности и чистоты, он с улыбкой дал немой ответ:

«Разумеется. Раз уж судьба подкинула мне столь сокрушительную силу, грех не пустить ее в дело».

Шестой принц Сян Чжицзе оказался парнем на редкость понимающим и сразу подхватил нить разговора:

— Оу, так стало быть, это и есть тот самый рудник «Сяофу».

Чэнь Юаньвэй в эту секунду чувствовал себя так, словно ему под брюки засунули раскаленный докрасна железный шкворень. Примостившись на самом краешке стула в самом низшем углу зала и едва смея дышать, он поспешно запричетал:

— В ответ великому чиновнику: да, да... Все именно так, как изволили заметить ваши величества.

Сян Чжицзе ровным тоном продолжил:

— До нашего слуха доходили вести, будто с наступлением лютых зимних холодов ты всякий раз безвозмездно выделяешь изрядные партии угля, дабы одарить неимущий и простой люд уезда?

По всей видимости, жаровни в покоях были растоплены на совесть: всего после двух кругов расспросов лоб Чэнь Юаньвэя густо покрылся каплями испарины:

— Да, да... Ничтожный раб поступал так, движимый заботой о подданных, однако пред лицом вашего величия мне безмерно совестно за столь малые крохи.

Лэ Уя пристально наблюдал за тем, как Шестой принц размеренно открывает и смыкает губы, и в его душе помимо воли зародилось чувство глубокого утешения.

Речь у Шестого ныне текла куда более гладко, ровно и свободно, нежели в былые годы.

Когда они впервые повстречались в столичных покоях, Сян Чжицзе как раз отбывал суровое наказание за то, что на редкость скверно зазубрил канонические свитки.

Разумеется, императорских сыновей палачи палками не истязали. Вся тяжесть монаршего гнева сокрушительным ударом обрушилась на его малолетнего товарища по учебе, прислужника. Несчастному мальчишке отсчитали целых десять жестоких ударов деревянной линейкой по ладоням, и тот, не смея проронить ни единого звука, послушно отошел в сторонку, баюкая багровые, распухшие от боли пальцы.

Едва строгий наставник покинул класс, Сян Чжицзе поспешно извлек из ящика стола драгоценную баночку с целебной мазью и без лишних слов сунул ее в руки пострадавшему слуге.

Мальчишка-приказчик, судя по всему, давно привык к подобным вещам. Перехватив снадобье и опасаясь, как бы резкий лекарственный запах не нарушил покой господина, он послушно покинул комнату, дабы смазать раны на крыльце.

В этот самый миг чистый, безупречный, точно выточенный из белой яшмы ребенок едва заметно повернул голову в сторону и сквозь оконную раму обнаружил застывшего во дворе Лэ Уя.

Лэ Уя прекрасно понимал, что тайная слежка за особами императорской крови карается по всей строгости законов Поднебесной, а потому поспешно опустил на колени прямо на каменные плиты двора.

Маленький принц, сжимая в крошечных ладонях теплый медный ручной прибор-грелку, неторопливым шагом покинул покои и остановился перед ним:

— Ты... кто... таков?

Он умышленно выговаривал фразу строго по слову, силясь сделать так, чтобы его врожденное заикание не столь явно резало слух посторонним.

Лэ Уя почтительно отчеканил:

— В ответ Шестому принцу: ничтожный слуга зовется Лэ Уя, я являюсь третьим сыном прославленного генерала Чжаои. Мой отряд лишь недавно воротился в столицу из глухих пограничных земель. Сегодняшним утром Его высочество Наследный принц изволил призвать вашего слугу во дворец, дабы лично проэкзаменовать мое мастерство в верховой езде и стрельбе из лука. Однако на рассвете здоровье старшего принца пошатнулось, и едва смотр завершился, Ваш слуга по чистой случайности удостоился чести одержать пальму первенства. Дворцовый евнух препроводил меня в эти чертоги, велел обождать высочайших распоряжений. Ничтожный слуга проявил излишнее любопытство и сделал пару лишних шагов по саду, но умысла тайно следить за Вашим высочеством у меня не было и в помине.

Он выдал всю эту лавину слов на одном дыхании, смертельно боясь, как бы Сян Чжицзе не вздумал пуститься в новые расспросы, заставляя себя мучиться из-за заикания.

— Старший брат... Наследник... поминал... тебя... в беседах.

Сян Чжицзе усердствовать с речами не стал. Он просто протянул вперед свои маленькие ручки и вложил теплую медную грелку прямо в ладони Лэ Уя:

— Раны... тяжелы... только... затянулись. Грелку... сперва... возьми... после... вернешь.

Лэ Уя в те годы исполнилось всего девятнадцать лет. И пускай его тело лишь недавно оправилось от лютых боевых увечий, в его груди по-прежнему бурлил пылкий юношеский задор. Он украдкой провел взглядом по этому безупречному, белоснежному ребенку, причесанному по канонам мальчишеских узлов-цзунцзяо, и отнекиваться не стал, преспокойно принял прибор и засунул его поглубже за пазуху своего халата.

Его и без того жизнь изрядно потрепала, с какой стати ему было ущемлять себя еще и в мелочах?

Передав грелку, Сян Чжицзе развернулся на каблуках и чинно проследовал обратно в свой учебный кабинет.

Поскольку этот ребенок отличался редким молчанием, Лэ Уя лишь спустя пару минут сообразил, в чем крылся подлинный смысл его маневра: Шестой прекрасно понимал, что пока он остается во дворе, раненый офицер по законам этикета обязан безвольно стоять перед ним на коленях в снегу, а потому умышленно ушел, дабы избавить его от этой муки.

Лэ Уя почесал затылок, внезапно ощутив, что о его благополучии только что самым трогательным образом позаботился крошечный мальчик.

Ведомый непреодолимым любопытством, он сознательно пошел на повторное нарушение

дворцовых запретов и принялся уже совершенно открыто, всю подглядывать за действиями ребенка сквозь резную раму.

И это новое наблюдение принесло ему весьма занятную весть.

Сян Чжицзе уже успел отложить в сторону тот самый объемистый канонический свиток, по которому его давеча нещадно гонял строгий наставник, и вместо него бережно развернул тонкую старинную тетрадь.

То был звездный атлас «Гань Ши Синцзин», трактующий исключительно о тайных путях небесных светил и науке астрономии.

Лэ Уя еще во время проверки подметил, что мальчик запинаясь вовсе не от того, что его память оказалась слаба и он не помнил текста наизусть. Причиной его задержек было банальное, жестокое заикание, из-за которого его ответы со стороны казались небрежными, путанными и топорными.

Судя по всему, те книги, знание коих наставники требовали от императорских сыновей, этот ребенок давным-давно зазубрил до последнего иероглифа.

И этот его нынешний шаг лишь в полной мере подтвердил догадки Лэ Уя.

Он едва различимым, мягким шепотом позвал сквозь окно:

— Шестой принц, а ко Шестой принц?

Сян Чжицзе вскинул голову:

— Хм?

— Нижайший преклон пред Вашим высочеством за вашу грелку, ваш слуга знатно согрелся. Коли Ваше высочество не сочтет за труд, я бы дерзнул обучить вас парочке весьма хитрых уловок. Глядишь, мы с вами по чистой случайности попадем пальцем в небо да сумеем раз и навсегда исцелить ваш недуг?

Столкнувшись с подобным неслыханным, дерзким нарушением всех придворных протоколов со стороны пришедшего воина, Сян Чжицзе выказал поразительную для его возраста зрелость: он лишь со всей степенностью кивнул головой, однако по его лицу было видно, что эти слова не тронули его душу.

Лэ Уя прекрасно понимал, почему ребенок остался безучастен: ради исцеления его заикания державный отец наверняка уже не раз и не два созывал целые консилиумы из лучших врачей

Императорской палаты, мальчик выпил не один десяток горьких отваров, однако до сих пор болезнь и не думала отступать.

Однако это ничуть не помешало Лэ Уя вальяжно стоять у окна и раздавать ценные указания:

— Во-первых, извольте завести привычку рано ложиться, рано вставать и усердно закалять свое тело.

— Во-вторых, практикуйтесь в пении и почаще разговаривайте сами с собой там, где нет лишних глаз, это сослужит добрую службу вашему исцелению.

— Ну а в-третьих... — Лэ Уя с улыбкой принялся крутить в пальцах шелковую кисточку от чужого ручного прибора. — Вы лишь перестаньте потакать этому недугу да умышленно заикаться, и все со временем само собой придет в норму.

Взор Сян Чжицзе в одно мгновение заледенел, и он в упор посмотрел на Лэ Уя.

По выражению лица маленького принца уездный начальник сразу понял, что попал пальцем в самое небо. Он поспешно соорудил самую покорную мину, признавая промашку:

— Ваш слуга проявил крайнее высокомерие и преступил границы дозволенного.

В те годы, когда Лэ Уя нес службу в пограничных войсках, в его полках кого только не водилось, и ему не раз доводилось сталкиваться с подлинными, жестокими заиками.

У тех бедолаг произношение слов, постановка слогов и завершение гласных всегда давались с колоссальным, мучительным трудом. И если среди них находился тот, кто изъяснялся более-менее сносно, то за этим неизменно крылись долгие годы изнурительных тренировок.

Но перед ним стоял вечно молчаливый и угрюмый маленький принц, чье произношение и артикуляция при тех редких выдохах были безупречны, а вот это само по себе уже являлось величайшей загадкой.

Сян Чжицзе резко поднялся со стула, мертвой хваткой вцепился в рукав Лэ Уя и увлек его за собой вглубь учебного кабинета.

То был первый раз, когда Лэ Уя узрел на лице этого вечно невозмутимого и степенного ребенка подлинный, чисто мальчишеский испуг:

— Не... смей...

Лэ Уя со всем кощунством вновь без зазрения совести оборвал принца на полуслове:

— Хорошо, Ваш слуга будет держать рот на замке.

Сян Чжицзе сокрушенно выдохнул скопившийся в легких воздух. Он вознамерился было добавить что-то еще, но уловив со двора приближающиеся шаги, мгновенно сомкнул уста и поспешно разжал пальцы, отпустив его рукав.

Сопровождавший Лэ Уя евнух как раз отлучался, дабы разыскать Седьмого принца. И едва строгий наставник закончил допрашивать младшего брата по каноническим свиткам стихов, вся процессия дружно пожаловала в комнату.

Дворцовый слуга почтительно склонил спину и тихим голосом объявил:

— Шестой принц, Седьмой принц, Высочайший указ Сына Неба! Сегодняшний смотр верховой езды и стрельбы из лука завершен. Одержавший пальму первенства офицер отныне назначается личным учителем верховой езды для обоих их высочеств. Господин Лэ Уя точным выстрелом сбил алую ленту с мишени и занял первое место. А потому впредь при встречах с господином Лэ обоим принцам надлежит уважительно величать его учителем.

Лэ Уя, по обыкновению, не утруждая себя приличиями, ляпнул первое, что пришло в голову:

— Почтенный евнух Ху изволил выразиться весьма занятно. Из его речей со стороны кажется, будто мы на свадебном пиру сбиваем стрелой шелковую ленту с паланкина невесты...

Евнух Ху состоял на службе в Восточном дворце Наследника. И нравом, и повадками слуга до мельчайших подробностей походил на своего державного господина: такой же степенный, утонченный и до смерти унылый.

Он упрямо пропустил мимо ушей весь этот нелепый вздор Лэ Уя и ровным тоном изрек:

— Господин Лэ, извольте нижайше принять монаршую милость и отбить челом.

Седьмой принц со всей своей неизменной веселой лучезарностью звонко выкрикнул:

— Учитель Лэ!

Шестой принц последовал его примеру:

— Приветствую... учитель... Лэ.

Поскольку Лэ Уя всего минуту назад вскрыл его тайный изъян, Шестой принц сейчас явно сгорал от смущения. Он умышленно сделал сильное ударение на последнем слове, отчего его фраза со стороны прозвучала так, словно мальчик искренне и со всем почтением превозносил его таланты.

Кожа на лице у Лэ Уя всегда была на редкость толстой, да к тому же он как никто другой в Поднебесной владел искусством вешать на себя любые мыслимые лавры. А потому, услышав, что Шестой принц ныне способен изъясняться вполне свободно и гладко, он без лишних раздумий целиком и полностью приписал эту заслугу собственным давешним наставлениям, отчего на его лице невольно проступило выражение величайшей гордости.

Шестой принц продолжил:

— Угольный рудник «Сяофу» годами пользуется в наших краях славой обители великого милосердия. По всему видать, почтенный Чэнь Юаньвэй свято чтит заветы канонических книг и досконально ведаёт истину... что обретший богатство муж обязан... обязан изливать свою благодать на благо всей Поднебесной.

Стоило этой фразе сорваться с его губ, как лоб Чэнь Юаньвэя покрылся ещё более густым слоем испарины.

В этих речах Шестого принца совершенно очевидно крылась глубокая и смертоносная ловушка.

Однако раз уж верховный ревизор столь открыто и веско выставил вперед священные каноны мудрецов, у купца, пускай тот и продвинулся из сословия цзюйжэней, не нашлось и единого слова для возражения.

Ему оставалось лишь безвольной куклой покорно кивать головой да поддакивать.

Лэ Уя в душе возликовал ещё сильнее.

«Чудно, чудно! — мысленно потирал ладони он. — Сяо* Шестой не просто научился изящно изъясняться, он теперь ещё и виртуозно владеет искусством коварно зажимать людей в угол!»

ПП: Малыш\Младший.

Увлеченно и со всем восторгом внимая речам первого императорского посланника, уездный начальник упустил из виду одну крошечную деталь: едва договорив, первый ревизор от глубокой досады едва заметно поджал уголки губ кверху.

...На середине фразы он все-таки опять на секунду запнулся из-за заикания.

Сян Чжицзе поспешно перевел дух, заставив мысли собраться воедино, и обрушил на подсудимого следующий сокрушительный удар:

— Всю великую славу благодетеля рудника «Сяофу» почтенный Чэнь Юаньвэй сполна забрал себе в заслугу. Но в таком случае скажи мне: кто же ответит за все те чудовищные бесчинства и кровавые грехи, что творились под сводами твоей шахты, а?

Чэнь Юаньвэй до этого момента все еще питал призрачные надежды, свято веря, будто императорские ревизоры прибыли в уезд только-только и толком не успели разобраться в подноготной местных дел. Но кто же мог помыслить, что этот венценосный юноша с ходу выплюнет в его лицо это ироничное прозвище — «благодетель Чэнь»?

У богача подкосились колени, и он безвольным мешком соскользнул со стула прямо в сугроб, коснувшись лбом заснеженного крыльца:

— Господин императорский ревизор, молю выслушать нижайшие речи вашего слуги! Мой родной дом потерял былые бразды правления, и ваш раб проявил величайшую халатность, упустив из виду надзор за челядью! Круглыми годами ваш слуга лишь предавался утонченным беседам о поэзии, созерцал луну да усердно тренировал тело ради сбережения жизненных сил, отчего пребывал в полнейшем неведении о тех жутких делах, что творились на руднике! Молю проявить милость к моей слепоте!..

Чэнь Юаньвэй и сам понятия не имел, способна ли эта гладкая ложь уберечь его голову от плахи.

Угольный рудник «Сяофу» был главным сердцем его колоссального богатства, и абсолютно все заправлявшие там приказчики приходились ему либо кровной родней, либо самыми преданными, проверенными годами слугами. Попытаться теперь заявить перед судом, будто он сам оставался чист и непричастен к их грехам, было задачей из разряда невыполнимых.

Лишь теперь до его заостренного ума дошло запоздалое, мучительное раскаяние в собственной глупости: ему следовало еще вчера вечером, наплевав на богатство, спешно собрать в узлы все чистое золото, погрузить драгоценности на телеги да под покровом ночной темени бежать прочь из уездного города: глядишь, так бы хоть голову на плечах сберег.

Но он проявил нерешительность, пожалев нажитое добро, и теперь превратился в безвольную рыбу на судейской разделочной доске, у которой не осталось ни единого шанса на спасение. Отчего же его сердце не должно было исходить кровавыми слезами от столь горького упущения!

Седьмой принц подхватил нить разговора:

— Эх, Шестой брат, нельзя же судить столь однобоко. Пускай за Чэнь Юаньвэем и числится добрая тысяча грехов, однако одно дело он претворил в жизнь на редкость недурно.

Чэнь Юаньвэй затаил дыхание, дотошно вслушиваясь в каждое слово, и в его измученной душе помимо воли зародилась слабая, едва заметная искра надежды.

Седьмой принц ни капли не изменился со времен своего детства: его манера речи по-прежнему была наполнена сладкими, веселыми нотками, отчего любой его выдох со стороны звучал на редкость празднично:

— Он ведь усердно закалял свое тело! И ежели в будущем ему посчастливится удостоиться высочайшего вердикта о вечной ссылке на окраины Поднебесной, то в пути, по крайней мере, он не испустит дух от немоги и истощения сил.

Эти братья вели допрос, безупречно подыгрывая друг другу, и для Чэнь Юаньвэя их речи были подобны сокрушительным ударам грома, что один за другим обрушивались на его несчастную голову.

И в ту самую секунду, когда его душа буквально заживо варилась в кипящем масле от дикого страха, дежурный офицер почтительно испросил со двора аудиенции.

Он четкой, чеканной военной походкой поднялся на помост и зычно доложил:

— Низайший поклон двоим господам императорским посланникам! Докладываю генералу Пэй: у южных ворот отрядом были перехвачены несколько беглых рабов. Следствие досконально прояснило, что все задержанные до последнего человека являются челядью из городской усадьбы Чэнь Юаньвэя. Возглавлял беглецов главный управляющий дома. На рассвете он клятвенно уверял патруль, будто его домочадцев скосил лютый мор и ему позарез нужно срочно мчаться в родную деревню. Однако, во-первых, при них не обнаружилось ни единой домашней грамоты или письма, кои могли бы подтвердить эти речи, а во-вторых, при обыске в их узлах была найдена колоссальная гора чистого золота, серебра и ценных камней. Сие происшествие показалось мне на редкость подозрительным, оттого я и заковал всю ораву в кандалы, доставив в ямынь. Жду высочайшего вердикта господ ревизоров и почтенного уездного судьи.

Пэй Минци невозмутимо обронил короткое «хм» и перевел взор на Лэ Уя.

То был первый раз с момента его прибытия в судебный зал, когда он открыто и совершенно легально уставился прямо на Лэ Уя.

...Разумеется, если не брать в расчет ту добрую дюжину раз, когда генерал до этого украдкой подглядывал за ним искоса.

Судебный заместитель Сунь Жу стоял чуть поодаль у стены, и эта немая сцена развернулась прямо перед его глазами. Ныне в его хитрой голове все окончательно встало на свои законные места.

Старый лис в эту секунду до глубины души проклинал собственную слепоту, из-за которой он половину года ни во что не ставил нового начальника: с таким успехом эти глаза правильнее было бы выколоть да пустить на утирку носа.

— Ах, надо же, — Лэ Уя со всем великодушием лучезарно улыбнулся. — Премного благодарен генералу Пэй за содействие. Ваш слуга проявил непростительную халатность и упустил из виду этот маневр беглецов.

Седьмой принц изящно вклинился в разговор:

— Господин уездный судья излишне скромничает. Пускай вчерашней ночью ты и объявил обывателям, будто комендантского часа в городе не будет, однако тайно отдал дежурным стражникам строгий указ запереть городские ворота на целый час раньше положенного срока. Кабы мы двое не пожаловали к твоим чертогам в этот предрассветный час, ты ведь совершенно точно вознамерился бы под покровом темноты самолично штурмовать усадьбу богача да пачками вязать заговорщиков, не так ли?

— Вашему слуге приходилось полагаться сугубо на собственные куцые силы, но раз уж небеса сподобились даровать мне сокрушительное заступничество господ ревизоров, это следствие воистину обрело высочайшее монаршее благословение.

Отвесив этот безупречный придворный комплимент, Лэ Уя повернулся лицом к Пэй Минци:

— К тому же, в Поднебесной нет ни единой души, коей бы не было ведомо прославленное мастерство генерала Пэй в искусстве держать глухую оборону.

...Мастерство держать оборону...

В ушах воина помимо воли сокрушительным эхом вновь зазвучал ядовитый, полный озорного лукавства голос из далекого прошлого: «Ты держишь щит в обороне, я пробиваю брешь в атаке. Я заправляю внешними походами, ты хранишь покой внутренних чертогов — воистину, безупречный союз, сотворенный самими небесами!»

Пэй Минци встретил пристальный взгляд Лэ Уя. Он неотрывно вглядывался в его глаза в течение нескольких секунд, после чего резко отвел взор и леденящим тоном произнес:

— У меня имеется еще один вопрос к подсудимому.

Шестой принц кивнул:

— Генерал Пэй, извольте выпросить.

— Земли коренного племени цзин испокон веков славятся колоссальными залежами меди и железа. Но дабы плавить сии металлы в горнах, тамошним мастерам при любых обстоятельствах требуется огромное количество каменного угля.

Эта короткая фраза была подобна обнаженному клинку, который без лишних церемоний и проволочек наотмашь рубанул по самому сердцу заговора.

Лицо Чэнь Юаньвэя в один миг стало мертвенно-белым, точно саван.

Он принялся испуганно кататься по полу, со всей дури колотясь лбом о каменные плиты пола и совершенно не обращая внимания на то, что из разбитой кожи уже всюю сочилась багровая кровь:

— Молю выслушать речи вашего слуги! Я готов поклясться собственной головой, всем своим имуществом и родом — под небом не водилось подобного греха! Ни за что на свете! С какой стати вашему рабу вступать в тайный коварный сговор с иноземными пограничными племенами да промышлять столь чудовищной изменой?!

Шестой принц Сян Чжицзе неторопливо и размеренно осадил его:

— Да ведь всего минуту назад почтенный клятвенно уверял этот суд, будто делами рудника интересовался мало, а всю свою жизнь посвятил созерцанию луны да стихам. Откуда же в твоей голове прямо сейчас взялась столь абсолютная уверенность, дабы ручаться за чистоту шахт перед лицом ревизоров, а?

Лэ Уя не удержался и изящным движением прикрыл рот расписным веером, тихонько прыснув со смеху.

Седьмой принц мгновенно заприметил этот маневр и остро устремил на него взор:

— И над какими такими вехами изволил столь весело потешаться судья Вэньжэнь?

— Молю простить вашему слуге сию неподобающую судейскому протоколу веселость, — Лэ Уя слегка подался вперед и заговорил подчеркнуто заботливым, подсказывающим тоном: — Почтенный Чэнь Юаньвэй, да ведь всю вашу драгоценную голову, жизнь и родовой скарб вы еще вчера вечером без остатка пустили на то, чтобы состряпать ложное доношение да подвести под плаху безвинного ученого Мина. Не угодно ли вашему превосходительству приискать для суда какой-нибудь иной залог ради подкрепления своих клятв, а?

Шестой принц не удержался от улыбки и, точь-в-точь копируя манеру наставника, негромко и мягко рассмеялся в кулак.

— Чисты ваши помыслы или гнилы — один дотошный обыск прояснит картину, — Седьмой принц самым непринужденным, легким тоном поинтересовался мнением старшего брата. — Изволишь отдать указ о конфискации?

Шестой принц веско отчеканил:

— Конфисковать.

Всего после нескольких дежурных фраз вековая неприкосновенность и золотой статус ученого-цзюйжэня, коим годами прикрывался Чэнь Юаньвэй, были разбиты в пух и прах.

Несколько дюжих стражников, повинувшись короткому знаку Сунь Жу, мгновенно сгребли богача под мышки и без лишних церемоний поволокли прочь из зала.

И в ту самую секунду, когда облаченного в роскошные шелковые одежды Чэнь Юаньвэя с позором тащили мимо крыльца управы, по площади как раз шествовала цепочка конвойных, конвоировавших ту самую первую партию спасенных из забоя пришлых шахтеров, чьи личности только что были досконально проверены по книгам.

Повинувшись строгому наказу уездного начальника, служители ямыня обязаны были сперва доставить несчастных в теплые покои, досыта накормить хорошей сытной пищей, на протяжении нескольких дней выходить больных и немощных с помощью лекарей, и лишь после этого собрать рабочих в группы ради безопасного возвращения к родным очагам.

Посреди лютой зимней стужи эти люди, облаченные в рваные, худые ватники, из дыр которых вовсю клочьями торчала старая пакля, с верой и робкой надеждой в сердцах держали путь к своему временному приюту.

Узрев, что из судейских дверей выволакивают какого-то бледного как смерть господина, они принялись с дотошным любопытством вытягивать шеи, искренне недоумевая, какому такому высокородному толстосуму сегодня так крупно не повезло встретить судейский гнев.

Лишь спустя добрых несколько дней из уст новоприбывших арестантов до этих шахтеров наконец долетели ошеломительные вести о том, что абсолютно все семейство богача Чэня до последнего человека брошено гнить в сырые казематы уездной тюрьмы.

И едва в их головах до конца прояснилась неразрывная связь между Чэнь Юаньвэем и всеми теми лютыми муками, что они претерпели под сводами рудника «Сяофу», рабочих затопила такая ярость и горькое покаяние, что несчастные принялись со всей дури лупить себя ладонями по бедрам. До сокрушительных слез им было обидно, что в ту ночную секунду у ворот они не сорвались с места, не накинулись на этого старого выроodka Чэня и саморучно не переломали ему кости, дабы сполна выпустить скопившуюся в груди обиду.

Подносом горячей еды и наваристого супа для них в эти дни заведовал один крепенький, круглолицый парень, чей лоб был туго обмотан чистыми лечебными бинтами. Облаченный в добротное опрятное платье, юноша с чувством глубокого, неистового восторга выслушивал ту лавину проклятий и суровых ругательств, коими измученные шахтеры вовсю осыпали имя поверженного тирана.

Звали этого паренька Хуа Жун, тот самый маленький нищий оборванец, над коим в полдень столь жестоко потешалась челядь усадьбы Чэня и который лишь чудом уберег свою жизнь под копытами коней.

И надо признать, братья из семейства Ху в своих суждениях не ошиблись: этот малый от природы уродился на редкость крепким, выносливым и сильным, а потому всего одной миски хорошей горячей рисовой каши хватило с лихвой, дабы полностью вернуть его к жизни.

Лэ Уя, узрев, что малый окончательно вернулся к жизни, тоже несказанно обрадовался. Он подробно расспросил Хуа Жуна о его имени и происхождении. Разузнав, что парнишка из честной, безвинной семьи, уездный судья без лишних слов поручил ему разносить еду шахтерам да бегать по мелким судебским надобностям: пускай пока трудится, дабы заработать себе на верный кусок хлеба ради пропитания.

Маленький Хуа Жун с лучезарной улыбкой на лице обратился к сидевшим в комнате людям:

— Не угодно ли почтенным господам добавить еще по миске горячего риса?

Шахтеры дружным, оглушительным шквалом голосов отозвались со всех сторон:

— Давай неси!

Впрочем, все эти события принадлежали уже к делам последующих дней.

Едва за конвоем Чэнь Юаньвэя закрылись двери судебного зала, двое господ императорских ревизоров и впрямь принялись дотошно экзаменовать уездного начальника на предмет численности подданных, площадей пахотных земель, объемов податей и прочих хозяйственных дел Наньтина.

Лэ Уя от природы обладал колоссальной, феноменальной памятью, да к тому же накануне ночью Вэньжэнь Юэ заставил его вызубрить абсолютно все цифры уезда. А потому на любые расспросы он отвечал с поразительной легкостью, без малейших задержек выдавая идеальный результат.

Разделавшись с официальной частью и с величайшей дотошностью изучив от первого до

последнего иероглифа все архивные свитки по делу Мин Сянчжао, принцы начали собираться в обратный путь.

Поскольку на их плечах покоился строгий указ Сына Неба, задерживаться в захолустном Наньтине слишком долго они не имели законного права.

Седьмому принцу, судя по всему, вся эта официальная волокита наскучила до смерти, а потому он под благовидным предлогом смены платья поднялся со стула и поспешил покинуть чертоги.

— Все последующие дела по разворачиванию отрядов и зачистке рудника генерал Пэй уладит с тобой лично, — со всей степенностью изрек Шестой принц Сян Чжицзе. — Как только следствие будет окончательно завершено, изволь незамедлительно отправить мне подробное письмо с отчетом, дабы я мог во всех деталях доложить о результатах нашему державному отцу.

Лэ Уя удивленно приподнял брови:

— ...Разве вашему слуге не надлежит составить официальный рапорт по всей форме и направить бумагу через канцелярии окружных наместников и губернских палат?

Вместо ответа Шестой принц легким движением руки извлек из широкого рукава плотный листок благородной, расшитой золотыми нитями бумаги-цзянь:

— На этом свитке начертан точный адрес моей личной столичной усадьбы.

Лэ Уя интуитивно почуял, что в этом маневре кроется какой-то странный и пугающий подвох. Однако раз уж драгоценный листок уже лежал перед его носом, отказаться от дара было невозможно, и ему пришлось покорно склонить голову:

— Слушаюсь. Ваш покорный слуга поступит в строгом соответствии с высочайшей волей господина ревизора.

Едва Седьмой принц воротился в покои, оба брата поспешили покинуть пределы уезда.

Согласно канонам государственного этикета, Лэ Уя был обязан со всеми почестями конвоировать судейский экипаж императорских посланников до дверей их постоянного двора и лишь после этого получить право откланяться. Однако Шестой принц плавно повел ладонью:

— Нынче на дорогах лютая стужа, камни покрылись скользкой ледяной коркой, да к тому же у судьи Вэньжэнь сейчас и без нас забот невпроворот. Изволь оставить эти пустые церемонии и возвращайся к делам.

Императорские посланники замещали собой волю монарха, а потому любое изреченное ими слово почиталось за чистое золото.

Избавившись от изнурительной обязанности месить грязь по тракту, Лэ Уя со всем почтением конвоировал господ лишь до крыльца судебной управы.

Перед тем как взойти на подножку роскошной кареты, Седьмой принц резко развернулся на каблуках и уверенным жестом вложил в ладонь Лэ Уя какой-то тяжелый предмет.

Лэ Уя растерянно моргнул:

— Господин императорский ревизор, что это?..

— Личное предписание верховного посланника, коим тебе официально даруется право действовать по собственному усмотрению без оглядки на вышестоящие инстанции, — на лице Седьмого принца проступили очаровательные, сладкие ямочки на щеках. — Кабы в твоих руках не оказалось сей верительной грамоты, начни ты копать под это кубло дальше, уездные старосты да губернские чинуши быстро бы переломали тебе крылья своими запретами, не так ли?

Лэ Уя заворуженно, не отрывая взора, уставился на эти веселые впадинки на его щеках.

В те далекие бурные годы, едва до его ушей донеслись вести о монаршем назначении на пост личного учителя верховой езды и стрельбы из лука для Шестого и Седьмого принцев, первым делом он столкнулся вовсе не с Сяо Шестым.

Когда дворцовый евнух Ху препровождал его под своды павильона Дэюэго, где императорские отпрыски усердно зубрили науки, Лэ Уя на одном из поворотов крытой галереи нос к носу столкнулся с Седьмым принцем.

Он поспешно застыл в безупречном церемонном поклоне:

— Ничтожный слуга Лэ Уя приветствует Седьмого принца.

Маленький принц, наряженный в роскошные, расшитые парчовые одежды и напоминающий пышный праздничный цветок, прежде чем открыть рот, залился веселым смехом:

— Ну надо же, а откуда в твоей голове взялось знание, что перед тобой стоит именно Седьмой принц, а?

Лэ Уя с улыбкой приподнял ладонь и едва заметно указал пальцем себе на щеку:

— В ответ Вашему высочеству: старые дворцовые слуги заблаговременно наставили меня на верный путь. Они сказывали, что тот из братьев, кто без умолку смеется, любит веселые забавы и чьи щеки украшают приметные ямочки, тот и есть Седьмой принц.

Мальчик мгновенно состроил преувеличенно суровое, каменное лицо:

— А коли этот принц перестанет улыбаться? Ежели я отныне ни разу в жизни не явлю миру свои ямочки, неужто твои глаза по-прежнему сумеют безошибочно вычленить мой силуэт из толпы, а?

Душа Лэ Уя в те далекие пограничные годы была преисполнена леденящей, безмолвной тоски, отчего в его поведении сквозило поразительное, полное бесстрашие перед лицом смерти.

Он без тени робости ответил:

— Ваше высочество, в этом подлунном мире всякая живая душа от природы рождается единственной и неповторимой в своем роде, и нужды насильно выдумывать приметы ради отличия братьев нет никакой. К примеру, ежели в вашем сердце нет радости, вы вполне вольны не улыбаться, закон того не запрещает. И даже если Ваше высочество вовек не явит мне свою улыбку, я при любых обстоятельствах сумею узнать ваш силуэт.

В тот день маленький Седьмой принц в течение очень долгого времени неотрывно буравил его взглядом, после чего внезапно расплылся в неистовом, ослепительном восторге:

— Изволь запомнить эти слова, учитель! Уж я-то точно прослежу, дабы ты сдержал свой указ!

Седьмой принц вовсе не был глуп или наивен от природы. Он еще вчера у ворот ямыня с первой же секунды отчетливо заприметил, на кого именно до мельчайших подробностей похож этот изворотливый и прыгающий уездный начальник.

Однако Лэ Уя — это был Лэ Уя, единственный и неповторимый под этими небесами.

Больше всего на свете принц презирал и ненавидел ухищрения тех людей, кто пытался в чертах одного человека упрямо разыскать призрачную тень покойного кумира: подобные маневры казались ему жалким самообманом и глупой попыткой потешить собственное эго.

Подумаешь, какой-то мелкий провинциальный чиновник просто унаследовал пару схожих манер и черточек, к чему вообще затевать эти глупые сравнения?

Этот парень обладал поразительным умом, и его совершенно точно ждали великие карьерные выси. Вручить ему сейчас личное высочайшее предписание — значило собственноручно протоптать для него надежную дорожку в будущее. И когда наступит день, и этот Вэньжэнь Юэ вознамерится стремительно взлететь к вершинам власти, вспомнив о благах сегодняшнего

дара, он сам, покорно склонив голову, явится к его воротам искать заступничества.

Провожая долгим взором карету ревизоров, чьи колеса размеренно шуршали по заснеженному тракту, Лэ Уя негромко спросил у застывшего рядом чиновника:

— Судебный заместитель, а куда подевались те самые сладкие пирожки, что я принес с улицы? Ты их разделил между слугами ямыня?

Сунь Жу почтительно согнул спину:

— Да как можно, господин судья! То ведь был ваш личный завтрак, ничтожный слуга велел бережно убрать короб под замок в ваших покоях.

Лэ Уя сурово зыркнул на него глазами:

— Ваш судья, по-твоему, в прошлой жизни боровом уродился, чтобы в одиночку сожрать такую колоссальную гору выпечки, а? А ну немедленно раздай все до последнего куска стражникам! Объяви парням, будто это генерал Пэй расщедрился да угощает весь уезд горячим завтраком.

Лэ Уя развернулся на каблуках, намереваясь уйти в тепло, и вдруг замер как вкопанный: прямо за его спиной, подобно грозной скале, неизвестно в какую секунду вырос сам Пэй Минци, непреклонно взирая на него в упор.

Уездный начальник натянул на лицо самую безмятежную судебскую улыбку:

— О, генерал до сих пор не изволил отбыть к своим полкам?

Пэй Минци ответил со всей армейской прямоотой и топорностью:

— У меня к тебе имеется одно очень важное государственное дело.

Не успел Лэ Уя и глазом моргнуть, как Пэй Минци, точь-в-точь как порыв яростного шквального ветра, мертвой хваткой увлек его за собой вглубь коридоров управы. На заснеженном крыльце остался лишь один ошалелый судебный заместитель Сунь Жу, чье лицо вытянулось от неопишуемого потрясения, а с губ не слетело ни единого звука:

«Да что же это, в самом деле, творится-то?! — в панике рассуждал старый лис. — Такие... такие вопиющие бесчинства, и они даже не пытаются скрывать их от чужих глаз посреди бела дня?!»

<http://bllate.org/book/18193/2086389>